

ЗНОЙ

Позвякивая цепью, Джек рыл прохладную ямку возле летней кухни. Его обвисающие разъеденные мухами уши кровоточили. Джек клацал зубами. Солнце падало прямо во двор. Жар проникал даже в тень. Вода в ковше, сверкая на солнце, ослепляла меня.

Я караулил брата, норовя его облить. Мне было весело. Мои трусы и майка были мокрыми. Брат с тазиком воды прятался за калиткой.

Неожиданно на параконке подъехал отец. Брат вылил воду и открыл калитку, я плеснул ему прямо в лицо. Отпрянув, он крикнул:

– Папка!

Папка у калитки поскользнулся, едва удержавшись за забор.

– Ах ты, сукин сын!

Подняв сухую короткую палку, он схватил брата за руку. Тазик выпал, и Джек, скользя скобкой цепи по проволоке, побежал в другой конец двора.

Я спрятался за летней кухней.

– Ах ты, су-кин-сын, лить-под-но-ги! Ах ты, сукин-сын!

Папка бил Кольку, моего брата. У меня закружилась голова, и я сел на поленницу дров за летней кухней.

– Ах ты, су-кин-сын!

Колька от боли крутился возле своей руки. Он не плакал, а в такт страшным ударам выкрикивал:

– Ой, больш-не-бу-ду! Ой, больш-не-бу-ду!

Отец бил яростно и иступлённо, как будто бил себя.

Мне было холодно, я дрожал. Мама выскочила из летней кухни и стала бросаться на папку.

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед стынет!

А папка всё бил и бил. И лошади не выдержали страха и, оборвав повод, помчались, громыхая арбой, к колхозной конюшне.

Папка кинулся к калитке, Колька – в огород в кукурузу, а я сидел и смотрел, как Джек хочет задушиться в своём собственном ошейнике.

Потом папка вернулся, и мама ему твёрдо сказала: иди ешь. И они друг за другом вошли в летнюю кухню. Минут через пять на арбе подъехал Колька. Он привязал лошадей и убежал в огород.

Из летней кухни папка вышел старым-старым и без шляпы. Увидев лошадей, он, сгорбившись, пошёл в сарай.

Я нашёл Кольку в самом глухом углу огорода. Он сидел и смотрел, как пчела лазит в большом абажурном цветке тыквы. Я сказал Кольке, что папка плачет в сарае, и Колька разозлился на меня. Но я всё равно сел с ним рядом, и мы так долго-долго сидели.

Когда стемнело, вернулись во двор. В летней кухне горел свет. В окна бились вспыхивающие в свете мотыльки, и Джек, радостно взвизгивая, махал нам хвостом.

ТЫ ЛЮБИШЬ СОЛНЦЕ?

Я раздвинул орешник и спросил:

– Ты куда идёшь?

– Я иду в Нафлегинт.

Она опустила на траву чёрную хозяйственную сумку, и я догадался, что ей тоже хочется поговорить.

– А ты там хоть раз была?

– Нет, не была.

– Да-а, – глубокомысленно сказал я, потому что она шла совсем не в ту сторону, и неторопливо выбрался на тропинку.

– Ты виноград рвёшь?

– Нет, не виноград.

Я развязал рюкзак и достал полную кепку кишмиша. Она взяла кепку, а я сел и стал завязывать шнурки из сырой кожи.

– Как вкусно – на увале нашёл?!

– Нет, не на увале. Я двумя руками натянул шнурок и, постукав каблуком, оббил грязь.

– У тебя ботинки и шнурки, как у альпиниста.

Её замечание мне понравилось, и я сказал:

– Вот идёшь ты не туда. Нафлегинт на севере, а ты идёшь на Лунзу. Ты давно идёшь?

– С утра.

Она перестала есть кишмиш, и я понял, что идти на Лунзу ей не хотелось.

– Ладно, не переживай, я тебя выведу на просеку, а там прямо пойдёшь и будешь в Нафлегинте.

– А ты сам когда там был?

– Дней пять назад. В Нафлегинте попадаются заброшенные сады.

– А кто их забросил?

– Корейцы. Они тут целыми семьями прятались от войны, а потом как переселенцы разъехались кто куда.

Я подсел к кепке. Кишмиш был сладкий и пахнул осенью. Но если бы не паутинки, скользящие по небу, и не первая позолота листьев, то вполне можно было бы подумать, что в лесу ещё лето.

– Ты любишь солнце? Она сбросила спортивные туфли и села напротив меня, поджав ноги.

– Солнце и дурак любит.

Наверное, я ответил слишком сердито, потому что она сразу отвернулась и стала смотреть на заросли тайги. Тогда и я посмотрел и увидел, как ветерок спросонья вздохнул и дикие клёны забормотали вначале торопливо: «Что пришли, что пришли?» А потом всё тише и тише.

– И птиц где-то нет, – с грустью заметила она.

– Зато сейчас грибов и ягод полно.

Наверное, я опять сказал сердито, потому что она встала и, взяв сумку, попросила:

– Ты мне только дорогу покажи, я сама пойду.

Я начертил на земле, как ей надо идти, и она пошла.

Она пошла, а на душе у меня какое-то предчувствие сделалось. Рву кишмиш, а сам всё думаю – вот заблудится, и чего ей в Нафлегинте надо?! Там же никто не живёт, там же одни фанзы, да и те мёртвые. Зайдёшь в фанзу, а она сыростью дышит. Плесень. Паутины качаются, совы бегают, крыльями хлопают, и мыши пищат, как в погребе. И чего ей там надо?!

«Ты любишь солнце?» – Странная какая-то. Кто же его не любит?! Я посмотрел на солнце и решил поторопиться, так как оно стояло далеко за лесом и в зарослях кишмиша уже зашевелились сумерки.

К ручью я вышел ночью. Огромная красная луна, словно только что вынесенная из кузницы, лежала между двух сопок и очень была похожа на планету, на которую ходят пешком. У самого большого валуна я снял рюкзак и прилёг на камни, чтобы напиться. Вода наплывала на щеку, я поднимал глаза, и розовая дорожка, прыгая по камням, доставала до самой Луны.

«Ты любишь солнце?» – «Конечно».

В низовье ручья протрубили изюбры. И сразу тайга ожила, зашумела, планета Луна белой сделалась и стала уходить всё дальше и дальше. Но я не испугался. Я надел рюкзак и пошёл за ней, за планетой. «Вот заблудится. И чего ей в Нафлегинте надо?!»

Когда пришёл в Нафлегинт, луна стояла высоко над головой. Возле самой последней фанзы я подумал: «Нет здесь никого, и её тоже нет, – и, сбросив рюкзак, лёг прямо посреди дороги. – Надо было хотя бы имя спросить».

– Это я, Валя.

Валя стояла чуть-чуть поодаль от меня, и её косы казались мне серебряными.

– А я тебя ждала, – сообщила она обрадованно. – Только я надеялась, что ты раньше придёшь.

– А я думал, что уже тебя не найду.

Я обхватил колени, потому что мне так радостно сделалось, что я мог бы вскочить и запрыгать.

– Ты, конечно, шёл по ручью – весь мокрый.

Валя присела на корточки, и я увидел, что она теперь в тёмном свитере, а на груди у неё круглая светящаяся брошка.

– Это солнце?

Она засмеялась и, встав, сказала, что сейчас принесёт сумку. Из сумки она вытащила альбом и краски.

– Ты – художник?

– Я люблю луну.

Она присела рядом со мной, и в Нафлегинте, в этой брошенной мёртвой деревне, сразу стало по-домашнему уютно.

– А ты знаешь, как надо собаку отучивать, чтобы она к чужим не ласкалась? – ни с того ни с сего спросил я. – Надо подозвать её и нос натереть рукавом сильно-сильно. Подговори кого-нибудь из знакомых, пёс подбежит к нему, начнёт ласкаться, а знакомый пусть возьмёт и натрёт.

– И тогда она не будет ласкаться?

– Никогда.

– Ни с кем?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

Она покачала головой. – Если хочешь, я тебе могу подарить щенка от нашего Алмаза. Ты с ним в любую ночь сможешь ходить по тайге. Умный и, чуть что, как зарычит и шерсть на загривке дыбом.

– А тебя как звать?

Мне удивительно стало, что она меня не знает, я даже растерялся.

– Валерий, меня звать Валерий Губкин.

Мы замолчали, и вокруг такая тишина появилась, что даже слышно стало, как лунные лучи позванивают, скатываясь с листьев.

– Хочешь, я тебе этюдник подарю! Он, знаешь, какой удобный, в нём есть место и для красок, и для карандашей. А сверху, видишь, целлофановая сумочка. Даже если в воду бросишь, то всё равно ничего не будет.

Она дала мне этюдник в руки, чтобы я мог убедиться, и я убедился.

– А ты где его взяла?

– Во Владивостоке.

– Ты там живёшь?

Она утвердительно кивнула, и мы опять замолчали. И опять увидели и услышали и луну, и серебряные листья, и весь-весь Нафлегинт. Особенно долго я смотрел на луну. Она поднялась высоко-высоко, и теперь на неё уже надо было лететь. И я бы полетел, если бы мог, хотя на земле мне тоже было сейчас хорошо.

– Может, костёр разведём?

– Нет, так лучше.

Она легла на траву, положив голову на край рюкзака. Прокричала сова, где-то рядом упала летучая мышь. Валя вздохнула, и я почувствовал, что она спит. Не торопясь, я насобиравл хворосту и разжёг костёр. Перед утром, когда прилёт, я долго-долго смотрел на луну. Она снова была большой и лежала между двух сопок, только теперь на юге. И я снова подумал о ней как о планете, на которую ходят пешком.

«...Пешком, всё это обман. К ней надо лететь, обязательно лететь...»

ЗЕМЛЯНИКА

Лунза – это таёжная деревушка. Она живёт у подножия двух сходящихся сопок и имеет свою речку. Лунза живёт тихо. Она живёт тихо и ждёт дождя. В дождь лунзовская речка несёт такие воды, что по ней можно сплавлять лес. И Лунза сплавляет лес.

Сейчас по дну речки прыгает тоненький родник. Этот родник журчит, как заводной. Но мы очутились в Лунзе не для того, чтобы слушать родник. Нам нужна Лунза для ночёвки. Сашка Каримов обещает мне завтра сплошное удивление. У Сашки в кармане карта, нарисованная синим карандашом. По этой карте мы найдём одно место. Это место называется Китайской крепостью. От Лунзы до Китайской крепости подать рукой,

но идти туда глядя на ночь нет смысла. И мы с Сашкой заходим в первую от дороги избу.

– Здравствуйте, – говорим мы с Сашкой.

– Здоровы, здоровы, – отвечает нам бабка.

Она шевелится у печки, и её трудно разглядеть. С улицы всегда так, пока не привыкнешь к полумраку. Бабка ставит две табуретки, и мы садимся.

– К деду, поди? (Бабка перестаёт шевелиться.)

– Нет, нам – переночевать. Мы – за ягодой.

Бабка опять у печки, и мы видим, что она вываривает бельё. Сидеть с рюкзаками неудобно, и мы кладем их в угол возле входной двери.

– Свету бы дала – пакость налетит.

– Зачем свету? Вы бы нам постелили, а то мы и на машине ехали, и пешком шли, – сказал Сашка.

Бабка передвигается в горницу, и мы слышим, как за ситцевой занавеской она справляет постель.

В кухне, возле печки, две табуретки и лавка. На лавке ведро с водой и алюминиевым ковшом. Ещё в кухне самодельный стол, накрытый вытертой до дыр клеёнкой. По клеёнке гуляют мухи и нюхают крошки. Это негодные мухи.

– С Алтыновских?

– Нет, мы из геологоразведочной партии, – говорю я.

Бабка двигается, согнувшись. Мы с Сашкой заходим в горницу. В горнице намного светлее. Я смотрю на семейные фотокарточки, выставленные в большой жёлтой рамке. Их много, как на витрине в фотографии. С фотокарточек улыбаются причёсанные мальчики и девочки с бантиками. Бантики у девочек в косичках, а у мальчиков на груди. В самом верху рамки трое военных, со шпалами на воротниках, а в центре, впереди них, сидит молодая особа в старинном вычурном кресле. Трое военных молчат, а женщина хочет улыбнуться.

Мы с Сашкой ложимся на постель, собранную из потёртых фуфаек, и задумываемся, чтобы уснуть.

Потом я встаю и выхожу на кухню. Бабка сидит на табуретке, и свет от печки играет на её руках. Руки у бабки большие и старые. Она их держит в подоле, как в тазике.

– Бабушка, там, в рюкзаке, у меня есть – для дедушки, пусть возьмёт.

Бабка согласно кивает. Голова у бабки белая-белая, как в извёстке. Я ухожу спать.

Утром мы встаём вместе с солнцем и умываемся в роднике. Бабка нам ставит яичницу и полбутылки водки. Бутылка заткнута газетной пробкой.

– Дед вчера добрался – не растолкашь.

Мы с Сашкой смеёмся и оставляем водку без внимания.

Примерно через час по Сашкиной карте мы выходим к Китайской крепости. Китайская крепость – это пенькообразная сопка. Как и всякий пень, с северной стороны она имеет дремучую растительность – нас интересует южная сторона. Здесь, в траве, должна быть земляника. Здесь должна быть не земляника, а сплошное удивление. Мы достаём из рюкзаков ведра и с ведрами в руках бежим к сопке. Сашка был прав. Мы увидели не землянику, а сплошное удивление. Она горела красным и чистым, как жар, пламенем.

– Десять ягод, и – полный стакан! – закричал Сашка. – Десять ягод, и...

Сашка запнулся.

Человеческие черепа лежали в траве наполовину в земле. Земляника не могла скрыть их костяного сияния зубов. Они попадались на каждом шагу. Они рассыпались от нечаянного прикосновения. Они смеялись, как живые.

– Кладбище, – выдохнул Сашка.

Мы боялись пошевелиться – вся сопка была усеяна человеческими костями. Над нами стояло июльское солнце. Мясистая земляника истекала густым соком, и сладкий запах смерти отравлял голову.

Мы вымыли ботинки, потому что сок уродливых ягод нам казался кровью и Сашку как аллергия стошнило.

– Пусть здесь пасутся птицы.

Сашка вытащил карту, нарисованную синим карандашом, и сжёг её. Эту карту он получил от искателя женьшеня. Этот искатель вчера угощал Сашку земляникой, а сегодня Сашка ненавидит «женьшеньщика» лютой ненавистью.

– Пусть только попадётся, я ему покажу «женьшень».

Сашка убеждён, что угощать ягодой с человеческих кладбищ могут только негодяи или уже совсем глупенькие. И разве это не так?

Мы смотрим, как по дну каменистого русла прыгает родник. Этот родник журчит, как заводной.

– Какая нормальная жизнь, – завидует Сашка роднику.

И мы опять смотрим на живые прозрачные струи, в которых неутомимое июльское солнце, перебирая, множит и множит разноцветные драгоценные камешки.